

Д.Н. Каравеева
Екатеринбург

**К СЛОВУ О СООТНОШЕНИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО И
АНТИИНДУСТРИАЛЬНОГО В КОНЦЕПЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА
МАТЕРИАЛАХ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию таких категорий идентичности, как «сельское» (глубинка) и «городское», антииндустриальное и индустриальное на примере Англии (Великобритании). Дан базовый обзор видений проблематики среди английской общественности. В работе использованы авторские этнографические материалы 2010-2012 гг. (исследования на территории регионов Северо-Западной и Северо-Восточной Англии).

Ключевые слова: современная Великобритания, Северная Англия, английскость, национальная/этническая идентичность, категории «сельское» и «индустриальное»

D. N. Karavaeva (Fedorova)
Ekaterinburg

**TO THE ISSUE OF COUNTRYSIDE AND INDUSTRIAL
CATEGORIZATION IN THE IDENTITY CONCEPT (ON THE
MATERIALS OF CONTEMPORARY ENGLAND, UK)**

Abstract: the article is devoted to the research of such identity categories as countryside and industrial ones on the example of England, UK. There is review of basic points of that theme within English discourse. The work is prepared also on the base of author ethnographic materials 2010-2012 (field work in the North-West and North-East of England).

Key words: contemporary Britain, Northern England, Englishness, national/ethnic identity, countryside and industrial categories

Распад Британской империи в середине XX в. и ряд событий в социально-политической и культурной истории страны спровоцировали подъем идентичностей шотландцев, ирландцев и валлийцев Великобритании в конце XX в. На фоне этого англичане, как бывшая «титовая нация», исторически нивелировавшая свои этнические особенности в пользу имперскости, сегодня переживают кризис идентичности [1]. Следствием этого стала актуализация ряда концепций идентичности (среди английского населения в противовес постимперскому синдрому стало расти желание оградиться от перипетий внешнего мира, заново создать неповторимый «старый добрый» английский мир наподобие уютного Шира Р. Толкиена) [2].

В поисках символов и смыслов английскости общественность Англии в 1990 – 2000-е гг. выдает самые разнообразные версии «национального характера» и наиболее важные, на их взгляд, характеристики англичан. Появилась даже особая мода на полуюмористические сборни-

ки национальных стереотипов как средство борьбы с ксенофобией [3]. Так, произведения Д. Милстеда «Антология Англии и англичан», «Ксенофобский гид по англичанам» [4] (из серии гидов по разным народам) посвящены «полуторатысячелетним» английским стереотипам. И хотя автора трудно обвинить в национализме или этнической предвзятости, во введении к первой работе он указывает, что цель его публикации — показать, что «настало время для англичан вспомнить о том, что у них есть чем гордиться в своей истории» [5].

Книга журналиста Дж. Паксмана «Англичане», где в саркастической форме обсуждались такие темы, как отношение к иностранцам, к империи, очередям, родине, церкви, монархии и политической системе, сексу и т.д. [6], была распродана в более чем 300 000 копий в первые два года после издания. Не меньшей популярностью пользуется работа социального антрополога К. Фокс «Наблюдая за англичанами», где автор уже в социолого-антропологической манере пытается рассуждать о правилах поведения, этикете и образе жизни англичан [7]. Подобные сведения можно найти у Дж. Хенсон, С. Клиффорда, Н. Хоббис и др. [8]

В попытках сохранить и восстановить память о постепенно исчезающем под натиском глобализации наследии, авторы активно выпускают литературу на темы «старой доброй Англии» и «пасторальной» английскости (например, П. Кингснорф, К. Ирвин, Дж. Элтон), констатирующие, как правило, смерть или предсмертную агонию традиционных английских ценностей (специфика сельского хозяйства, пабы, производство пива, церкви и пр.) [9]. Издаются книги в жанре культурологического путешествия по поселениям Англии, ее историческим памятникам, достопримечательностям (т.н. «травелоги»), особенно глубинки [10].

Как пишет И.С. Кон, трудность составления подобных характеристик «связана не только с терминологической нечеткостью...но.... с тем, что они являются частью того самого практического процесса социального взаимодействия, обобщением которого претендуют быть» [11]. Как отмечает Р. Коэн, несмотря на воображаемую природу данных характеристик, они могут оказывать влияние на конкретного индивида и общество в целом в процессе дискурса, в том числе в плане политических манипуляций; и как все воображаемое, рано или поздно могут становиться явным [12]. На наш взгляд, целесообразнее всего обращаться к анализу контекстов (империя, мультикультурализм, деволюция), как делают некоторые представители британской академической среды, например, Р. Скрутон, Р. Колс. К. Кумар [13].

Всю современную литературу (и дебаты об английскости) можно условно поделить на ту, что отрицает существование какой-либо английскости как реальной культурной идентичности (говоря о подмене ее космополитическими ориентирами и общebritанскими ценностями), и ту, в рамках которой бытует представление об «истинной» Англии как о территории идиллических сельских пейзажей. В действительности же

такого рода обращение к сельским трактовкам идентичности по-своему парадоксально, ведь большая часть территории Англии является бывшей и настоящей вотчиной индустриализма.

Одна из наиболее популярных тем для такого рода дискурса — тема старинной, зеленой глубинки (old green countryside), Англии, «страны зеленой и прекрасной» (England's green and pleasant land) (выражение взято из стихотворения У. Блейка «Иерусалим» из предисловия к его эпической поэме «Мильтон» 1804 г., изданного в онтологии патриотических стихов и положенного на музыку в 1916 г., музыку во времена морального упадка общества из-за жертв в I Мировой войне и общей эмоциональной фрустрации) [14]. Для многих поколений англичан «Иерусалим» считается одной из самых популярных патриотических композиций (неоднократно со стороны общественности поступало предложение сделать песню национальным гимном Англии). Первые два стиха, по мнению исследователя Дж. Лукаса, отсылают нас к легенде об Иисусе, якобы посетившем в юности Гластонбери, и создают контраст между мрачными и наполненными злом картинами материализма и индустриального капитализма и безмятежными и прекрасными природными картинами приятной глубинки, в которой, по мнению публики, Блейк хотел построить новый христианский Иерусалим (хотя сам автор, закоренелый лондонец, видел свой Иерусалим более урбанистичным) [15].

В целом с понятиями «зеленый» и «приятный» в английском дискурсе идентичности дело обстоит непросто. Например, вслед за М. Вьенером [16], Дж. Паксман также пытался размышлять на тему, «как и почему произошло так, что страна, индустриализированная и урбанизированная раньше других, своим идеалом и душой считает глубинку» [17], хотя к конечному выводу он не пришел, назвав случай парадоксальным. К. Брянт считает, что причиной, в первую очередь стала эмоциональна близость природы человеческой психике и наличие множества условий для морального отдыха, а также тот факт, что в Англии в изобилии имеются живописные и самобытные природные и топографические объекты, и в легкой доступности (благодаря национальной инфраструктуре, системе общественных тропинок, национальных парков). Также влияет факт удобного и мягкого климата (в отличие от холодных и гористых Шотландии и Уэльса). Брянт утверждает: «Говоря абстрактно об идентичности, мы всегда можем сомневаться, идет ли речь об английскости или же о британскости. Только когда вы в английской глубинке – вы можете знать точно, что это все Англия и английское, а не что-то иное» [18]. Тесно связана с данным феноменом и английская любовь к собственным садам и паркам. Крупнейшая волонтерская организация страны (более 3 млн. членов в 2004 г.) — Национальный траст (National Trust) — занимается сохранением (и организацией туристических маршрутов) значимых в

культурном плане домов и дворцов, сельских домов и садов, природных памятников, как правило, находящихся в глубинке.

А. Осби занимался исследованием того, как «происходило создание туристической карты Англии» [в том числе, с помощью деятельности Национального траста] и формирования в массовом сознании контента национального наследия», указывая на то, что, зачастую, картины сельской глубинки, уютных пасторальных ландшафтов и пр. являются «тиражированием ценностей, удачно вписавшихся в национальное самосознание, во имя заработка и брендинга» [19].

В данном случае интересно то, что в последнее время Национальный траст включило в список английских достопримечательностей такие объекты индустриального наследия, как хлопковая фабрика в Чешире, рабочий дом Ньюварка, коммунальные дома в Бирмингеме, сдвоенные дома 1930-х гг. (в одном таком вырос Дж. Ленон из легендарной группы «Beatles») и террасные муниципальные дома 1940-х гг. для рабочих в Ливерпуле.

С сельскими занятиями и символами связываются основные историко-культурологические символы английскости. По словам М. Смита, в глазах англичан и особенно иностранцев сельские английские пабы обладают специфическими национальными/этническими чертами, и отличаются от подобных заведений в других странах. Для глубинки их живописные и часто старинные здания (с особыми красочными оформлениями, звучными и историчными названиями, оригинальным внутренним антуражем) имеют особое значение, являются центрами социальной жизни. Для многих групп населения пабы представляют собой квинтэссенцию английскости, уходящей старой Англии (сентиментализм в восприятии) [20].

Особая английская страсть, охота на лис, была указана в качестве примечательной части английской жизни, узнаваемая по всему миру, еще в знаменитой работе «Выдающиеся черты Англии» С. Талентса [21]. По мнению Скрутона, охота на лис является оплотом «Англии настоящей» [22], но у явления множество критиков. Так, еще О. Уальд писал: «Английская деревенская знать носится за лисами: отвратительное в погоне за несъедобным» [23]. Требования населения запретить этот «жестокий вид спорта» были удовлетворены в 2004 г., несмотря на ярые протесты Альянса глубинки (Countryside Alliance), обвинявшего общественность (особенно «городскую») в нежелании поддерживать сохранение традиционного английского наследия и в нападках на деревенский стиль жизни [24].

«Слепки» английскости общественность ищет также в пейзажных (сельская, Англия, природные ландшафты) работах художников и прочих представителей изобразительного искусства. Например, в картинах Т. Гэйнсборо, Дж. Констабль, В. Тернер, П. Нэш, Дж. Пайпер и

даже Л.С. Лоури; музыкальных композициях вдохновленных английскими пейзажами Э. Эльгара, Ф. Делиуса, Р. Вагхан Вильямса, Г. Хольста, Б. Бриттена; работах некоторых представители популярной музыки и писателей, изображавшие героев своих произведений на «пасторальных фонах» (от Шекспира и Мильтона до Оруэлла и Бетъемана) или знаменитых травелогов (например, Г. Мортон, Дж. Пристли), чьи книги по исследованию Англии и английского характера были посвящены, в основном, ее сельской составляющей [25]. Искусствоведы и историки искусства спорили на протяжении долгого времени, кто или что дало толчок к рассмотрению этих жанров английского искусства под углом английскости [26], и пришли к выводу, что это был Н. Певзнер (N. Pevsner), впервые использовавший термин «английскость» в заголовке своей монографии [27].

Особую грань английскости для участников дискурса составляет т.н. литература военного времени (II МВ), оказывающая влияние на восприятие действительности англичан до сих пор. Для Дж. Бетъемана Англия — это страна англиканской церкви, страна эксцентриков и чудаков, старинных церквушек с их свечами и камильонами, институтов благородных девиц, скромных деревенских постоялых дворов, споры о том, оставлять ли на алтаре купырь лесной, шум двигающихся машин в субботу после полудня, местные газеты, местные аукционы, походы в кино, железнодорожные поезда, поэзия Теннисона, Крабба, Харди и Арнольда, чуть покосившиеся заборы, каменные ограждения на полях, горизонты и особые пейзажи [28]. Р. Виндер называет подобные описания «воскресными сельскими послеобеденными утопиями» [29]. После войны другой поэт, Т. Эллиот издал знаменитое эссе о трех чувствах культуры: одно из которых включает «все характерные виды деятельности и интересов народа». В английском случае он писал о также неиндустриальных дне дерби, регате Хенли, коровах, 12 августа, финале кубка, собачьих бегах, бочонке пива, доске для дартса, сыре Винслидэйл, вареной и порезанной на куски капусте, свекле в винном соусе, готических церквях XIX в. и музыке Эдгара [30]. Для многих участников современного дискурса эти описания Бетъемана и Эллиота — часть их собственной английскости.

В общественном дискурсе тихая деревенская жизнь противопоставляется таким городским явлениям, как расовые беспорядки, футбольный хулиганизм, вандализм и пьянство по пятницам и субботам, граффити и мусор. В Англии даже существует множество обществ и ассоциаций по защите глубинки (от Совета по защите деревенской Англии до местных общественных фондов). Что касается таких «пограничных» (и реально существующих в качестве «глубинки») территорий, как пригород (suburbia), то, как указывает Р. Колс, большинство авторов с конца XIX в. и до настоящего времени рассматривают пригород не в качестве территории зеленой и мирной

глубинки, а в качестве социально больного района и интеллектуальной пустоши (wasteland) [31]. В то время как именно рабочие пригороды с их самовыражением в популярной музыке являются современным ответом на концепцию аркадской идиллии английскости, активно изображаемой в литературе. Как пишет, М. Брэйсвел, молодежь пригородов и небольших городков, активно вовлекаясь в дискурс идентичности — в том числе посредством музыки — не видит смысла в несуществующей аркадской Англии, в то время как другой концепции английскости (или английской мечты) у них самих нет. Таким образом, директивный «аркадинизм» рождает реакционный, активный «субурбинизм» (по мнению исследователя, группы «Beatles» и «Rolling Stones», например, как раз явления этого порядка) [32].

Поиски идентичности в Англии связаны с политической стратегией тех или иных групп ее населения и, соответственно, те или иные версии идентичности отражают стратегии данных групп (еще Оруэлл изобразил это достаточно точно [33]). Политические задачи воззваний Оруэлла ясны — попытка «разбудить» и «объединить» нацию перед лицом опасности 1941 г., обращаясь не только к ее внешнему патриотизму, но и тихой, внутренней любви к простым бытовым занятиям, общим английским ценностям. Однако Оруэлл писал о «не просто фрагментах, а характеризующих английскую жизнь фрагментах»: «Грохот и смог в окрестностях ланкаширских городов-заводов, бесконечное движение грузовиков на Великой Северной дороге, очереди у бирж труда, грохот игровых автоматов в пабах Сохо, старые девы, мчащиеся на велосипедах сквозь туманы осеннего утра в церковь ко святому причастию» [34].

В то же время, когда речь заходила о базовых ценностях англичан, писатель писал о ее «сельских» проявлениях: «Мы — нация любителей цветов и почтовых марок, нация голубятников и любителей плотничества и шитья, игроков в дартс, фанатов кроссвордов. Самые ее живые и природные центры культуры, вокруг которых собирается все (естественно, не официально): паб, футбольный матч, придомовой сад, камин и стол с чашкой чая» [35]. Об «английской цивилизации» писатель-фантаст говорил: «Это нечто, связанное с обильными завтраками и мрачными воскресными днями, дымными городами и заветренными дорогами, зелеными полями и красными почтовыми ящиками» [36].

К наследию Оруэлла, его суждениях об англичанах и английской культуре, активно обращаются и сегодня. Так, Дж. Мейджор, использовал их для того, чтобы успокоить евроскептиков в своей партии, обеспокоенных условиями Маастрихтского договора ЕС: «Даже спустя пятьдесят лет, Британия по-прежнему будет страной длинных теней на крикетных полях, теплого пива, неукротимой зелени пригородов, любителей собак и, как говорил Оруэлл, «старых дев, мчащихся на велосипедах в церковь ко святому причастию сквозь

туманы осеннего утра»... Британия неисправима, и выстоит в любых условиях» [37].

Так или иначе, стремление акторов дискурса соотнести английскость с «землей зеленой и приятной» сильнее реальности, в которой большая часть территории Англии содержит явные следы индустриализации. И даже если заводы и фабрики способны преобразить сельскую местность, они не способны остановить процесс идеализации нетронутой урбанизацией глубинки и ее «наполненных духовностью и непротивлением индустриальной бесчеловечности» ландшафтов, говоря словами Д. Мэтлеса [38].

Между тем, один из наиболее успешных примеров поиска «новой» идентичности в Великобритании связан с актуализацией индустриального наследия как её историко-культурной основы (если говорить опять же о деятельности Национального траста). В последние годы в британской научной и общественной жизни готовится почва для понимания феномена индустриальной культуры. Деятельность архитекторов и дизайнеров дополнилась смелыми творческими идеями перевоплощения заводских территорий. Обнаружилась тесная связь таких решений с современным искусством [39]. Индустриальное наследие Северной Англии, например, — один из наиболее значимых элементов историко-культурного наследия не только региона, но и страны. Мы не можем сказать, что в регионе сегодня полноценно реализуются исследовательские и социальные программы по поддержке и развитию историко-культурного наследия, развитию новой идентичности, в то время как относительно сходной российской ситуации, у англичан есть чему поучиться.

Северный регион относится к категории бывших индустриальных, монорегионов. Во времена империи и в первые десятилетия после ее падения здесь сосредотачивалось вся имперская промышленность (кораблестроение, угледобыча, тяжелая и легкая промышленность, портовая инфраструктура и др.).

В правление М. Тэтчер в 1980-е гг. все производство было приватизировано, на фоне окончания холодной войны и конкуренции со стороны Юго-восточной Азии пришло в упадок. Тысячи людей оказались в ситуации социально-экономической и культурной прострации, отдельные попытки лейбористского правительства создать условия для регенерации регионов существенно не исправили ситуацию. Главной проблемой оставалось то, что в регионе тяжело заново создавались новые градообразующие структуры, или структуры, способные заменить заводы и фабрики, в прошлом организующие вокруг себя все социальное существование населения. Респондент С. Льюис из Салфорда Большого Манчестера, например, рассказала, как в 1980-х гг. происходили забастовки шахтеров, в 1994 г. Лондон выкупил часть территорий их городка, была снесена центральная часть и построены торговые центры. Сю

рассказывала и о своем чувстве потери идентичности в то время — она больше не знала, кто она теперь и где теперь ее место (все привычное исчезло)⁵⁸. Ее идентичность складывалась не только из языкового диалекта, но и привычного (локального, регионального) ментального, ландшафтного и архитектурного окружения.

Ряду территорий Северной Англии, например, городам Ливерпулю и Манчестеру во времена неблагоприятных экономических условий конца XX в. (неликвидность и нерентабельность производства, конкуренция со стороны Китая) удалось переосмыслить концепцию своего существования, трансформировать все это в новую, относительно успешно «существующую» идентичность. В частности, политика восстановления регионов велась по направлению использования новейших гуманитарных технологий презентации индустриального наследия. Заброшенные заводы и прочие индустриальные руины превращались в новые помещения для выставок и других мероприятий культуры и искусства, для проведения свободного времени, обучения (например, галерея Тейт Модерн и новый Музей Ливерпуля, Университет Сандерленда, Университет Манчестер Метрополитен, музей ткацкой фабрики Аппермила, новые информационные и производственные центры (завод «Nissan» в Сандерленде), индустриальные биеннале в Ньюкасле и Манчестере, статуя Ангел Севера в Гэйтсхеде, Музей угледобычи Килхоупа, Транспортный мост в Ньюпорте, реставрация исторического центра Ньюкасла Грейнджертаун и многие другие). Именно индустриальная культура стала для региона мотором изменений, платформой для конструирования солидарности и идентичности.

Безусловно, у Англии остается множество нерешенных вопросов в прошлом и настоящем, и говорить о некой единой английской идентичности даже в самом общем виде невозможно. Но в то же время в данном разнообразии самовидений и самопрезентаций есть своя естественность и свои достоинства. Существование разных пониманий английскости (сельского и индустриального) оттеняет идентичность во времени и пространстве и может служить дополнительным преимуществом в любого рода культурных и политических конкуренциях, представляют собой уникальный ресурс для формирования живой социальной практики, туристической индустрии, брендинга. Несмотря на склонность населения (не только английского, но и российского, например) соотносить нечто самобытное, особое, этническое с природными и сельскими категориями, индустриальная культура (связанная с индивидуализмом, выбором ценностей, верой в возможности человека) в позитивном рассмотрении становится не препятствием, а двигателем идентичности.

⁵⁸ Полевые материалы автора, август 2011 г

Библиографический список:

1. *Бурас М., Кронгауз М.* Неужели вон тот — это я? // Русский журнал. 2001. 16 марта [Электронный ресурс]. Адрес доступа: http://www.russ.ru/ist_sovr/tour/20010316.html
2. *Кон И. С.* К проблеме национального характера // Английский национальный характер: учебное пособие / Под ред. М.М. Филлиповой. М.: АСТ: Астрель, 2007.
3. *Blake W.* Blake's Poems and Prophecies. L.: Dent, 1927.
4. *Bracewell M.* England is Mine: Pop Life in Albion from Wilde to Goldie. L.: Flamingo, 1998.
5. *Bryant C.* The Nations of Britain. Oxford: Oxford University Press, 2010.
6. *Clayton M.* Endangered Species: Foxhunting – the History, the Passion and the Fight for Survival. Shrewsbury: Swan Hill Press, 2004.
7. *Clifford S., King A.* England in Particular: A Celebration of the Commonplace, the Local, the Vernacular and the Distinctive. L.: Hodder& Stoughton, 2006.
8. *Colls R.* The Identity of England. Oxford: Oxford University Press, 2002.
9. *Corbett D., P. David, Holt Y., Russel F.* (Eds.). The Geographies of Englishness: Landscape and the National Past 1880-1940. New Heaven Conn.: Yale University Press, 2002.
10. *Easthope A.* Englishness and National Culture. L.: Routledge, 1999.
11. *Eliot T.S.* Notes towards the Definition of Culture. L.: Faber, 1948.
12. *Elton G.* The English (The Peoples of Europe). Oxford: Wiley-Blackwell, 1994.
13. *Gervais D.* Literary Englands: Versions of "Englishness" in Modern Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
14. *Giles J., Middleton T.* Writing Englishness 1900-1950: An Introductory Sourcebook on National Identity. L.: Routledge, 1995.
15. *Green C.L.* John Betjeman: Coming Home: An Anthology of His Prose 1920-1977. L.: Methuen, 1993.
16. *Hanson G.* England My England: A Treasury of All Things English. L.: Portico, 2012.
17. Heritage at Risk Register 2012. East Midlands. [Электронный ресурс]. Адрес доступа:
18. *Hobbes N.* England: 1000 Things You Need to Know. L.: Atlantic Books, 2008.
19. *Irwin C.* In Search of Albion: From Cornwall to Cumbria: A Ride Through England's Hidden Soul. L.: Andre Deutsch Ltd, 2005.
20. *Fox K.* Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. L.: Hodder&Stoughton, 2005.
21. *Kingsnorth P.* Real England: The Battle Against the Bland. L.: Portobello Books, 2009.
22. *Kumar K.* Nation and Empire: English and British national Identity in Comparative Perspective // Theory and Society. Vol. 29, 2000. Pp. 575-608.
23. *Kumar K.* The Making of English National Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
24. *Lucas J.* England and the Englishness: Ideas of Nationhood in English Poetry 1688-1900. L.: Hogarth, 1990.

25. *Lunn K.* Reconsidering “Britishness”: the Construction and Significance of National Identity in twentieth century Britain / B. Jenkins and S. Sofos (Eds.). *Nation and Identity in Contemporary Europe*. L.: Routledge, 1996.
26. *Maconie S.* *Adventures on the High Teas: In Search of Middle England*. L.: Ebury Press, 2010.
27. *Matless D.* *Landscape and Englishness*. L.: Reaktion Books, 1998.
28. *Mial A., Milsted D.* *The Xenophobe`s Guide to the English*. L., 1994.
29. *Milsted D.* *Brewer`s Anthology of England and English*. L., 2001.
30. *Mount H.* *How England Made the English: From Why We Drive on the Left to Why We Don't Talk to Our Neighbours: From Hedgerows to Heathrow*. L.: Viking, 2012.
31. *Orwell G.* *The Lions and the Unicorn*. L.: Secker & Warburg, 1941.
32. *Ousby I.* *The Englishman`s England: Taste, Travel and the Rise of Tourism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
33. *Paxman J.* *The English. A Portrait of a People*. L.: Michael Joseph, 1998.
34. *Scruton R.* *England: an Elegy*. L.: Chatto&Windus, 2000.
35. *Smith M.A.* *Social Usages of the Public Drinking House: Changing Aspects of Class and Leisure // British Journal of Sociology*. Vol. 34. No 3. 1983. Pp. 367-385.
36. *Tallents S.R.* *The Projection of England*. L.: Olen Press, 1932.
37. *Vaughan W.* *Behind Pevsner: Englishness as an Art Historical Category / D. Corbett, P. David, Y. Holt, F. Russel (Eds.). The Geographies of Englishness: Landscape and the National Past 1880-1940*. New Heaven Conn.: Yale University Press, 2002.
38. *Weight R.* *Patriots: National Identity in Britain 1940-2000*. L.: Macmillan, 2002.
39. *Wiener M.J.* *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit 1850-1980*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
40. *Winder R.* *Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain*. L.: Little, Brown, 2004.